

ПРОКСИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Руслан Россо

Руслан Россо

Прокси

«Автор»

2026

Россо Р.

Прокси / Р. Россо — «Автор», 2026

Осень 2012 года. Украина. Глухой лес вблизи Чернобыльской зоны. Комплекс «Прометей» – стерильный, автономный и засекреченный. Официально – фармакологическая лаборатория. Неофициально – место, где изучают нечто, найденное в антарктических льдах. Роман Каневский, украинский вирусолог, соглашается на работу формальным наблюдателем. Подписывать бумаги. Собирать пробы воздуха. Делать вид, что всё в порядке. За это – доллары, которые изменят жизнь его семьи. Но титановый саркофаг, прибывший рейсом из-за океана, не содержит вакцин. А фрактальная плесень на стенах растёт по нечеловеческим законам. Когда случайный контакт пробуждает то, что должно было вечно спать во льду, Роман понимает страшную правду: «Прометей» изучает не вирусы. Здесь пытаются расшифровать чужой код жизни. Эксперимент выходит из-под контроля. Комплекс превращается в ловушку. Выхода нет. Остаётся только выбор: стать частью новой, «оптимизированной» реальности – или совершить последний, несовершенный, человеческий поступок.

© Россо Р., 2026

© Автор, 2026

Руслан Россо

Прокси

Часть 1. Прибытие и трещина.

Аэропорт «Борисполь», 5 октября 2012, 23:45.

Воздух в зале VIP-прилёта был не по обычному кондиционированным. Его подвергли хирургической обработке – выпарили все случайности, все запахи путешествий, все молекулы чужой усталости и надежды, а взамен ввели ароматическую композицию «Абсолютное спокойствие. Версия 3.1». Пахло холодным камнем, который пытались заставить пахнуть сандалом. И не получалось.

Роман Каневский стоял у стеклянной стены, за которой в серой, мёртвой измороси буксовал тягач с багажными тележками. Оранжевые габаритные огни расплывались в ночи, как опиумные видения. Он чувствовал себя не встречающим, а живой печатью в паспорте, штампом, поставленным для галочки. Его новый, купленный в кредит пиджак жал под мышками, впитывая не пот, а ощущение фальши. В кармане лежало удостоверение «Старшего инспектора по экологическому мониторингу объектов повышенной биологической опасности». Здесь, в этом храме титана и бесшумного движения, оно казалось анахронизмом – как каменный топор на выставке нейроинтерфейсов.

Он поймал своё отражение в стекле – лицо человека, который уже пожалел о своём решении, но отступить было поздно. Из памяти всплыла ухмылка начальника: *«Поддерживай стратегическое партнёрство, Каневский. И всем будет хорошо. Особенно тебе»*. Стратегическое партнёрство сейчас пахло не озоном после грозы, а формальдегидной свежестью, за которой скрывался привкус чего-то металлического, почти как у крови, но без её жизненной теплоты. Запах предварительной консервации.

Они появились.

Это не была группа людей. Это был единый организм, отлаженный до состояния абсолютной, мистической тишины. Первым, рассекая пространство зала, шёл доктор Элайс Фрост. Роман, повидавший на своём веку достаточно иностранцев – от восторженных волонтеров до надменных консультантов, – внутренне ахнул. Это не был человек. Это был артефакт, выставленный на показ. Его загар лежал не неравномерными пятнами, а ровным, золотистым слоем, как у куклы из дорогой пластмассы. Седые виски – не прядями, а идеальными геометрическими седыми полями, будто нанесёнными через трафарет лазерным гравировщиком. Лицо, высеченное из полированного гранита, не имело мимических морщин – только глубокие, статические борозды, как на лицах римских патрициев с бюстов. Он нёс с собой не просто ауру начальства, а гравитационное поле безусловного авторитета, которое физически давило на барабанные перепонки.

За ним, сохраняя идеальную дистанцию в два шага, шли четверо: трое мужчин и женщина. Не люди в тёмно-синих ветровках – андройды в униформе. Их движения были синхронизированы на уровне спинномозговых рефлексов: когда ведущий чуть замедлял шаг, остальные автоматически, не глядя, корректировали скорость, создавая иллюзию единого потока. Они не несли свои плотные чемоданы на колёсиках – они сопровождали их, как самураи сопровождают дайсё. Но главное – это было позади.

Два грузчика в униформе аэропорта (но с слишком прямыми спинами и слишком пустыми глазами) катили перед собой не багаж. Они вели святыню.

Титановые кейсы. Это слово было кощунством. Это были саркофаги из матового металла, лишённые не только видимых замочных скважин, но и намёка на стыки или технологические швы. Их поверхность не отражала свет – она поглощала его, отливая тусклым, больным свинцом, цветом тяжёлой планеты под ядовитыми облаками. Они стояли на специальных тележках

с амортизаторами, но те не пружинили – они гасили любую вибрацию до нуля, делая движение саркофагов неестественно плавным, как скольжение тени. С ними обращались не как с оборудованием. Так обращаются со спящими божествами, чей сон тоньше паутины, а пробуждение равно творению или концу света.

Фрост заметил его не глазами – внутренним радаром. Его серые, абсолютно плоские глаза (в них не было глубины, лишь отражающая поверхность, как у озера из жидкой ртути) щёлкнули, зафиксировав объект. Это было не распознавание коллеги. Это считывание штрихкода, подтверждение наличия необходимого аксессуара. Он сделал два безупречных шага вперёд. Его рука протянулась для рукопожатия с траекторией баллистической ракеты – без вариантов, без права на отказ.

Ладонь была сухой, прохладной и абсолютно инертной, как силиконовая накладка на манекене. Она сжала руку Романа с давлением ровно в 2.1 килограмма – он, биолог, машинально оценил. Ни капли лишнего усилия, ни намёка на тепло или человеческий контакт.

– *Доктор Каневский. Элайс Фрост.*

Его голос. Низкий, бархатистый. И лишённый не только акцента, но и эмоциональных обертонов. Он звучал как высококачественная, дорогая озвучка документального фильма про вымершие виды. Голос, из которого вытравили всё живое, оставив только чистую информацию.

– *Благодарим за организацию встречи в столь... нестандартное время. Надеюсь, наше сотрудничество будет продуктивным.*

Микроскопическая пауза.

– *И, что важнее, прозрачным для всех заинтересованных сторон.*

Последняя фраза повисла в стерильном воздухе намёком, тонким как лезвие бритвы. Она отсылала к чему-то, о чём Роман знал, но старался не думать. К тем самым бумагам, которые ходили по коридорам, к нервным перешёптываниям. Его роль живой печати, человека-алиби, окончательно оформилась и была произнесена вслух с ледяной вежливостью.

– *Выполняю распоряжение,* – отчеканил Роман, стараясь, чтобы голос не дрогнул и не выдал комка в горле. – *За мной. Транспорт ждёт у выхода Т-3. Таможенное оформление вашего... оборудования уже проведено.*

Он сознательно сделал микроскопическую заминку перед словом «оборудование», вкладывая в него всю нараставшую в груди тревогу. *Что за оборудование требует титановых саркофагов?*

Фрост лишь слегка склонил голову, уголки его губ дрогнули на миллиметр – не улыбка, а симулятор улыбки, выполненный с топологической точностью.

– *Оборудование. Именно так. Инструменты для... углублённого изучения местных биоформ. Вы, как специалист, оцените.*

И тут система дала сбой.

Один из людей Фроста, молодой парень с короткой, будто под линейку выстриженной щетиной на голове и глазами, бегающими как у загнанного хорька (позже Роман узнает – Дэнни), фыркнул. Он смотрел не на них, а в стеклянную стену, за которой хлестал украинский осенний дождь.

– *Надеюсь, у вас тут нет комаров с доступом к ядерным кодам,* – его голос прозвучал неестественно громко, истерично-весёлым, нарушая гробовую тишину зала. – *А то у нас тут своя специальная доставка.*

Его смешок, короткий и нервный, отозвался эхом в безлюдном пространстве. Женщина из группы, доктор Рид, резко, почти по-кошачьи шикнула на него. Но было поздно.

Фрост обернулся.

Он не повернул голову. Он развернулся всем телом, плавно и без усилия, как башня танка на гидравлике. Его взгляд упал на Дэнни. И это был не взгляд начальника на подчинённого, допустившего фамильярность. Это был взгляд программиста на багующую, некор-

ректную строку кода. Взгляд ледяной, тяжёлый и лишённый даже намёка на человеческое раздражение. В нём была лишь холодная оценка на предмет исправности и целесообразности дальнейшего использования.

Дэнни не просто сник. Он иссяк. Как будто кто-то выдернул вилку из розетки. Цвет бежал с его лица, оставив серовато-восковый, трупный оттенок. Плечи ссутулились, подбородок прижался к груди. Он перестал быть человеком, превратившись на несколько секунд в пустую, обесточенную оболочку, ожидающую перезагрузки или утилизации. Молчание, последовавшее за этим, было гуще бетона и холоднее свинца саркофагов.

Фрост медленно, с той же механической плавностью, вернул взгляд на Романа. В его плоских, ртутных глазах мелькнуло что-то вроде... вежливого извинения за технический сбой в демонстрационном образце.

– Простите. Энтузиазм молодых специалистов иногда требует дополнительной... калибровки. Пойдёмте.

Группа снова пришла в движение. Роман, ведя их к выходу, чувствовал спиной холодное излучение титановых кейсов. Оно достигало его сквозь ткань пиджака и кожу. Это был не температурный холод. Это было ощущение абсолютного нуля – нуля жизни, нуля хаоса, нуля той самой «нестандартности», которую Фрост так вежливо упомянул.

Пока они шли по безлюдному, отполированному до блеска коридору к служебному выходу, в голове у Романа, словно навязчивый сигнал эха, стучала фраза: *«Прозрачным для всех заинтересованных сторон»*. Эта дипломатичная формулировка была ключом. Она отпирала дверь в ту самую папку, которую он однажды видел на столе у своего шефа – папку с грифом *«Для служебного пользования»*, поверх которой лежала размашистая резолюция: *«Бред сивой кобылы. В архив»*.

И вдруг, под вой осеннего ветра у открытой двери выхода, память выдала чёткую картинку. Не папку. Лицо.

Москва, здание на Смоленской-Сенной, кабинет № 417. Декабрь 2010 года.

Кабинет был затянут сизым табачным дымом, несмотря на запреты. За столом, похожим на плацдарм, заваленным бумагами и пустыми чашками, сидел полковник в отставке Борис Волков. Не просто аналитик МИДа, а, как шептались, «последний динозавр из ГРУ», прикомандированный к департаменту по нераспространению. Его лицо, изрезанное шрамами не от ножей, а от хронического недосыпа и язвы, было красно и вздуто от гнева.

Он не стучал кулаком по столу. Он вбивал в него короткими, жёсткими ударами увесистую папку, как забивают сваю.

– *Иглу, Карл!* – его хриплый голос рвал тишину кабинета. – *Они строят у нас под боком, на нашей исторической житнице, иглу из чёрного, ебучего льда! А мы им что? Мы им – «ноту»! Ноту номер триста сорок семь, под копирку!*

Молодой дипломат в идеально сидящем костюме, его визави, устало поправлял очки. На его столе царил стерильный порядок.

– *Борис Владимирович, успокойтесь. Из Вашингтона уже ответили. Стандартный пакет: «Мирные цели, укрепление санитарного суверенитета, совместные исследования в области здравоохранения». Они даже...* – дипломат позволил себе тонкую, ледяную усмешку, – *выразили сожаление по поводу дезинформации, сеемой некоторыми сторонами.*

– *Дезинформации?! – Волков схватился за сердце, но это был жест отчаяния, а не боли. – Да я тебе, юнец, могу показать фото со спутника! Заборы с датчиками движения в чистом поле! Вывоз «биологических отходов» в таких контейнерах, какие у нас только для радиоактивных отходов есть! И эти... «Прометей», «Диоскурия», «Гейя»! Это не названия, это насмешка!*

– *Названия зарегистрированных украинско-американских фармакологических предприятий*, – парировал дипломат, его голос стал ещё тише и холоднее. – *Все проверки на украинской стороне пройдены. Их Минздрав доволен. Наш посол в Киеве просит не... усердствовать. Не портить атмосферу партнёрства. Вы понимаете, о каком партнёрстве речь.*

Волков откинулся в кресле, и его взгляд, острый и усталый, уставился в потолок, затянутый тем же сизым дымом.

– *Партнёрство...* – он прошипел. – *Они не партнёры. Они – лаборанты. А вся Украина...* – он махнул рукой в сторону невидимой карты, – *огромная чашка Петри. И мы, идиоты, сидим и смотрим, как они капают туда какую-то дрянь из своих титановых пипеток. А потом будем чесаться и удивляться, откуда взялась новая оспа.*

Дипломат встал, заканчивая разговор.

– *Ваши опасения... занесены в протокол. Нота вручена. Ответ получен. Тема исчерпана. У вас есть другие вопросы по поручению, Борис Владимирович?*

Волков ничего не ответил. Он просто сидел и смотрел в ту самую папку, по которой только что бил. На её обложке красовалась ни к чему не обязывающая пометка: «Официальный ответ Госдепартамента США на ноту № 347-ДСП». Внутри, он знал, лежали три страницы дипломатического гладкописа, которое можно было свести к трём словам: «Всё в порядке. Не мешайте».

Резкий порыв ледяного ветра на стоянке «Борисполя» вновь ошпарил лицо Романа, возвращая его в октябрь 2012-го. Он вздрогнул, отшатнувшись от воспоминания, такого яркого, что казалось, вот он, запах волковского табака «Беломор» смешался с аэропортовским формальдегидом.

– *Доктор Каневский? Всё в порядке?*

Голос Фроста. Ровный. Без тени искреннего участия.

Роман обернулся и увидел, как грузчики с немислимой осторожностью загружают титановые саркофаги в бронированное чрево микроавтобуса с тонированными стёклами. «*Титановые пипетки*», – пронеслось в голове.

– *Да, всё... в порядке*, – выдавил он. – *Просто... ветер.*

Он сел в салон, пахнувший дорогой кожей и тем же антисептическим ужасом. Дверь закрылась с глухим, герметичным щелчком, отрезая последнюю связь с миром, где были ветер, дождь и пьяные крики таксистов. Мир, который, как пророчествовал пьяный от бессилия полковник, уже был огромной чашкой Петри.

А он, Роман Каневский, больше не наблюдатель. Он только что сам стал инструментом – той самой живой печатью, которая должна была поставить жирный штамп «Всё в порядке» на всём, что последует.

Микроавтобус тронулся, увозя его в ночь, в лес, в сердце «Прометея». И Роман с ужасом осознал, что полковник Волков был не параноиком. Он был провидцем. Просто он ошибся в одном: опасность привезли не в пипетках.

Её привезли в саркофагах. И вот они – здесь, сзади, отделённые от него лишь тонкой перегородкой. И Фрост, этот ходячий дипломатический пресс-релиз, сидит рядом, глядя в тёмное окно, и его отражение – маска полного, безмятежного контроля.

Конца света в человеческом обличье.

Микроавтобус нёсся по пустынному ночному шоссе, оставляя за собой лишь мокрый шум шин и призрачное отражение своих фар в асфальте. За тонированными стеклами мир растворился в чёрной воде – изредка проплывали одинокие огни хуторов, похожие на утопающие маяки, да скелеты облетевших деревьев. Американцы молчали. Двое изучали планшеты, их лица подсвечены холодным синим мерцанием. Женщина, доктор Рид, смотрела в одну точку, её пальцы нервно перебирали край куртки. Дэнни сидел, сгорбившись, уткнувшись лбом в

стекло, – живое воплощение того самого «отключенного» состояния. Фрост, заняв место рядом с водителем, был неподвижен, как истукан. Только его отражение в лобовом стекле – плоское, графическое – парило в ночи.

Роман откинулся на кожаном сиденье, пытаясь отогнать от себя образ красного от ярости лица полковника Волкова. Но прошлое цеплялось. Оно вело дальше, по цепочке, к тому моменту, когда эта цепь начала сковывать его самого.

Киев, кабинет начальника Главка, сентябрь 2011 года.

Контора пахла старым паркетом, дешёвым кофе и безнадёгой. Начальник, толстый, лысеющий мужчина по фамилии Бондарчук, сидел за столом, заваленным неотчитанными ведомостями и пустыми папками. Он протянул Роману не папку, а один тонкий, изящный конверт из плотной бумаги.

– Полюбуйся, Каневский. Свет в конце туннеля.

Роман вынул лист. Логотип «Prometheus BioResearch». Текст на английском и кривом украинском. Суть: приглашение квалифицированного специалиста на должность «Координатора по экологическому соответствию» на новом, высокотехнологичном объекте. Оклад был указан в долларах. Сумма заставила его сердце ёкнуть – в пять раз больше его нынешней нищенской зарплаты в государственном НИИ.

– Что это? – спросил он, уже чувствуя подвох.

– Это, Роман Викторович, – Бондарчук сложил руки на животе, – плод нашего стратегического партнёрства. Нашим американским друзьям, по соглашению, требуется... наблюдатель. От нашей стороны. Для полной прозрачности.

Слово «прозрачность» прозвучало вторично за сегодняшний вечер. Роман встрепенулся.

– Наблюдатель за чем? Они что там, ядерные реакторы собирают?

Бондарчук фыркнул, махнув рукой.

– Реакторы... Какие реакторы! Обычная фармакология. Вакцины, сыворотки. Но у них – свои стандарты, свои параноидальные протоколы. Им нужно, чтобы местный специалист был в штате. Для отчётности. Для... – он поискал слово, – для успокоения определённых кругов.

– Каких кругов? – упёрся Роман, хотя ответ уже витал в прокуренном воздухе кабинета.

– Неважно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.